

В последние годы жизни Александр Борисович Раскин (1914—1971) работал над книгой воспоминаний. Отрывки из этой книги, посвященные К. И. Чуковскому, писатель передал нашему еженедельнику. Часть из них «Литературная Россия» печатала в номере от 6 ноября 1970 года. Сегодня мы предлагаем вниманию наших читателей вторую часть воспоминаний о Корнее Ивановиче Чуковском.

ГЛАЗУНЬЯ

Осень 1942 года. Война. Сижку у Корнея Ивановича, рассказываю о больнице, где пролежал я месяц, ожидая мучительной операции. Рассказываю, как три раза, через день, клали меня на операционный стол и хирург со злобещей фамилией Корчиц, осмотрев меня, командовал: «Пусть дозреет!» Наконец, когда уже была приготовлена маска с хлороформом, профессор Корчиц с удивлением изрек: «Смотрите, он рассасывается...» И я, измученный, решил, что эти слова относятся ко мне, так сказать, в целом, а не к инфильтрату, который надо было оперировать.

Корней Иванович сочувственно слушает. Он знает, что у меня недавно родилась дочка, что в семье пять человек, а работаю пока я один, что живем мы трудно.

— Знаете, — говорит он мне, — когда я вижу вас бредущим по городу с вашим вечным чемоданчиком (как и многие в то время, я приносил домой часть своего обеда в столовой), я понимаю, что молодость, как говорится, дает себя знать...

Мы оба невесело смеемся. И тут Корнее Ивановичу приносят завтрак: яичницу глазунью на два яйца и немного орехов.

— Корней Иванович, вам пора есть, — говорит кто-то из домашних.

Чуковский испытующе смотрит на меня. Я стараюсь не смотреть на глазунью. Он знает, что я голоден, и понимает, что в эти трудные дни я скорее помру, чем буду «объедать» его.

Молча, ничего не говоря, он делит глазунью пополам и кладет мне на тарелку несколько орехов.

— Корней Иванович, не надо. Я сыт...

К моему ужасу, Чуковский встает передо мной на колени.

— Александр Борисович, скушайте стегнышко! — яростным шепотом говорит он, в точности копируя слугу из рассказа Гоголя об Иване Федоровиче Шлоньке и его тетушке.

— Корней Иванович...

— Скушайте стегнышко! В дверь заглядывает кто-то из домашних и в страхе отшатывается.

— Долго еще мне, старику, унижаться перед вами?

В полном отчаянии я начинаю есть.

Чуковский не спеша встает с ковра, стряхивает пыль с колен и тоже принимается за еду. В глубоком молчании мы заканчиваем скромную трапезу. Потом Корней Иванович смотрит на меня и начинает хохотать.

— Ловко я вас классиком, а? Но мне не до смеха, я знаю, что глазунью эту я запомню навсегда.

ЧТО-НИБУДЬ СМЕШНОЕ

Гуляя по Переделкину, Корней Иванович просто на глазах «обрастал людьми». В тот ясный осенний день я встретил его уже в конце прогулки, и вокруг него толпилось человек 10—12.

— Вот кто нам нужен! — сказал Чуковский, увидев меня. — Вот кто нам поможет! Подите-ка сюда, сударь.

— Что прикажете, Корней Иванович? Для вас я на все готов.

— А вот мы сейчас это проверим. Ведь вы, если я не ошибаюсь, профессиональный юморист?

— Говорят... — уклончиво ответил я.

— Не только говорят, но и пишут, я сам читал. Так что никакие увертки вам уже не помогут. Извольте сейчас же рассказать что-нибудь смешное.

— Корней Иванович! — взмолился я. — Зачем же так жестоко? Я себе гуляю, наслаждаюсь, так сказать, природой... и вдруг — на тебе. Почему я один должен страдать?

— В том-то и дело, — сказал Чуковский, — что страдают все. Это я предложил: пусть каждый расскажет что-нибудь смешное. Каждый, понимаете?

— Классический рассказ оптимиста, — сказал он. — Знаете,

Бесхитростная эта история имела шумный успех. Корней Иванович даже как-то раскис от смеха.

Встретив меня на следующий день, он весело попросил: — Расскажите еще что-нибудь про Менакера.

И я рассказал ему то, что слышал как-то от Александра Семеновича сам. Эта небольшая новелла звучала примерно так:

— Сегодня утром выхожу я из своей квартиры, что на четвертом этаже. На первой же ступеньке споткнулся, упал и съехал вниз по всей лестнице, по всем четырем этажам. Разбил голову, повредил позвоночник, сломал руку, сломал ногу и — хоть бы что!

Чуковский засмеялся.

— Классический рассказ оптимиста, — сказал он. — Знаете,

ВСТРЕЧИ С КОРНЕЕМ ЧУКОВСКИМ

Александр РАСКИН

— Понимаю, — грустно сказал я. — У меня даже стихи есть на эту тему. Прочесте?

— Читайте. И я прочел: Это было раннее весние. Попросила девушка поэта: — Прочитайте что-нибудь смешное... До сих пор бедняжка ждет ответа.

— Так, — безжалостно сказал Чуковский, — это стихи. А мы ждем прозы. Неужели у вас ничего нет за душой, никакой смешной истории? Мне просто стыдно за вас.

— Есть смешная история, — сказал я. — Но ее, наверное, все знают. Она долго ходила по Москве. Это история про Менакера и его кота. Да вы ее знаете.

— Кто знает историю про Менакера и кота его? — громко спросил Чуковский. — Никто? Отлично. Мы слушаем.

— Так вот, — начал я, — все вы знаете известную эстрадную пару — Марию Миронову и Александра Менакера. У этих любимцев публики был свой любимец — большой и очень занятый кот. Этот кот был мужчиной сильных страстей и весной буйствовал невообразимо. На семейном совете было решено утихомирить кота посредством небольшой операции. Менакер написал на прием к ветеринару и понес туда кота. В приемной у ветеринара сидели самые разные люди. Кто с птичкой, кто с киской, кто с собачкой. И надо же так случиться, что вслед за Менакером в приемную вприпрыжку вошла молодая интересная актриса, которую он знал по каким-то совместным выступлениям. На руках ее покоилась маленькая белая собачка.

— Ах! — вскричала актриса. — Александр Семенович, и вы тут? Знаете, моя собачка простудилась. У нее ужасный кашель. А что с вашим котиком?

Менакер несколько замаялся: — Да так, знаете... вообще... — Общее недомогание... — Да, в этом роде... — мямлил Менакер.

Но тут на пороге кабинета возник фельдшер, огромный дядя с багровым лицом коновала, в кожаном фартуке, забрызганном кровью. Он сразу внес ясность, хрипло пробасив: — Менакер, на кастрацию!

те, ваш Менакер мне нравится. Передайте ему от меня привет.

— Обязательно передам. Спустя несколько лет вы полностью свое обещание.

СОБАКИ

Не раз приходилось мне слышать, как о человеке известном говорят: «Его тут каждая собака знает». Конечно, говорили так и о Корнее Ивановиче Чуковском. И говорили чистую правду. В дачном поселке, где он жил, его знали все, от мала до велика. В том числе и местные собаки, с которыми он дружил и которые считали своим святым долгом сопровождать его на прогулках. Постоянным «адъютантом» Корнея Ивановича был рыжий Мишка, проживавший по соседству, на даче В. П. Катаева. За Мишкой часто увязывался его брат, клички которого я уже не помню. Наверное, потому, что его чаще всего так и называли: «Мишкин брат». Эти собачьи братья были так похожи, что различить их мог, кажется, только Корней Иванович. По крайней мере мне лично это никогда не удавалось.

Так вот, значит, как я уже сказал, Чуковского тут каждая собака знала. Но я никогда еще не слышал, чтобы про человека говорили, что он, мол, тут каждую собаку знает. Между тем после одной нашей совместной прогулки по Переделкину я убедился, что это можно с полной уверенностью сказать о Корнее Ивановиче. Прогулка наша всегда начиналась с улицы Серафимовича, где, напротив Дома творчества, жил Чуковский. Я хорошо помню тот морозный, солнечный зимний день, о котором хочу рассказать.

Накануне одна из обитательниц Дома творчества сказала мне:

— Вы заметили, что из-под каждой дачной подворотни торчит собачий нос? Идешь сквозь эти носы, как сквозь строй...

— И больше ничего? — спросил меня Чуковский, когда я рассказал ему об этом забавном наблюдении. — Ну, так передайте от меня вашей знакомой, что она дальше собачьего носа ничего не видит. А между тем за каждой со-

бакой надо видеть человека.

— Это вы об уме животных? — нехотая осведомился я.

— Да вовсе нет. Давно уже известно, что по собаке можно судить об ее хозяине. Вся наша улица — отличное подтверждение этой истины. Вот смотрите. Здесь, как вы знаете, живет известный поэт. Человек он абсолютно порядочный, немногословный, скромный, доброжелательный. Теперь посмотрите на его собаку. Она никогда не будет зря вас облаивать, смотрит на вас спокойно, без всякой свирепости. Я знаю, что она никогда ничего не стащит, не обидит более слабого пса, не укусит ребенка. Поверьте мне, это очень порядочная собака, и я ее просто уважаю.

— Ну, а рядом? — заинтересовавшись, спросил я.

— А звали бы ее Каштанка? — Конечно, — очень серьезно сказал Чуковский.

КОНЕЦ

ОСИНОГО ГНЕЗДА

Если не ошибаюсь, так называется популярный детектив «про шпионов».

Сразу оговорюсь: тут никаких шпионов не будет. Речь пойдет без всяких иносказаний о настоящем осинном гнезде с настоящими живыми осами. Осы эти, обладая, видимо, хорошим литературным вкусом, обосновались на веранде дачи Корнея Ивановича Чуковского. А на этой же веранде готовился к экзаменам в Институт кинематографии внук Корнея Ивановича Женя. Теперь он уже называется Евгений Борисович, стал кинооператором и, возможно, вообще не вспоминает об этой истории. Хотя, впрочем, у меня есть основания думать, что он ее не забывает.

Отец Жени — Борис Корнеевич — погиб на фронте, в самом начале войны. Может быть, поэтому вся семья как-то особенно любила и баловала мальчика. Вот рассказ очевидца о Жене тех лет: «Приморское шоссе под Ленинградом. Легковая машина со скоростью не меньше ста километров обгоняет мой «москвич». Машину ведет молодой человек, который правит... одной ногой, небрежно положив ее на руль... Знаете, выдал я лихачей, сам лихач, но так-то...»

Еще один рассказ самого Корнея Ивановича. Это, собственно, рассказ не о внуке, а о юморе Валентина Петровича Катаева.

— Вот у Катаева, — говорил мне Чуковский, — абсолютное чувство юмора. Это — его самая сильная сторона. И при этом — какая быстрота реакции. Вот послушайте. Как-то летним вечером Женя повез меня покатайся на своем мотороллере. Ну, вы понимаете, ездит он довольно быстро. По дороге идет с кем-то Валентин Петрович. Я успеваю ему крикнуть: «Прогулка перед сном...» и тут же слышу ответ: «Перед вечным сном!» Вы понимаете, он успел бросить реплику. И какую!

Полно, я спросил Чуковского:

— Корней Иванович, а зачем вам ездить на мотороллере? Ведь эта штука не очень-то надежна.

— Вот поэтому я и езжу с Женей, — ответил Чуковский, — с дедом он все же не ставит рекордов.

Однако вернемся к осам и экзаменам. Осы, изрядно мешали занятиям. Они не только жужжали, но и кусались. Наконец терпение внука лопнуло, и он решил покончить с осиним гнездом. Сказано — сделано. Был изготовлен самодельный порох. Основательный заряд заложен под гнездо. Оглушительный взрыв переполошил всех соседей. Надо сказать, что результат превзошел все ожидания: от ос не осталось и следа, а у автора «диверсии» оказалось сломано правое плечо. Так он и сдавал экзамены, с рукой в гипсе. Об этом взрыве было много разговоров. Утверждали, что Корней Иванович был его свидетелем и не принял никаких мер предосторожности. Он только попросил двух девочек-школьниц, навесивших его, отойти подальше. Некоторые осуждали деда за попустительство. Я проверил у Корнея Ивановича обстоятельства дела. Действительно он знал, что Женя изобрел смесь для взрыва ос.

— Но как же вы разрешили этот взрыв? — спросил я.

— А что мне было делать? Ведь он все равно бы это устроил. По крайней мере я уменьшил заряд вдвое. И теперь я уверен, что больше взрывов не будет, — сказал Чуковский.